

УДК 340.153

Особенности уголовного процесса и процедуры доказывания в Древней Руси

Ступникова Наталия Николаевна

Адвокат, аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Воронежский государственный университет,
394006, Россия, Воронеж, Университетская площадь, 1;
e-mail: angelb2002@gmail.com

Аннотация

Настоящая статья посвящена особенностям уголовного процесса Древней Руси. В ней дается представление о сторонах — участниках судебного разбирательства, их процессуальной роли, в том числе в процедуре доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела. Объясняются особенности древнейших форм розыска, установления лица, подлежащего привлечению к ответственности, виды свидетелей и их процессуальные различия. Исследуются древнейшие виды доказательств, их происхождение и порядок применения в процессе доказывания.

Ключевые слова

Уголовный процесс, стороны судебного разбирательства, доказательства.

Введение

Основными началами судебного процесса периода Киевского государства являлась состязательность, обязанности по сбору доказательств лежали на сторонах судебного разбирательства, ими же обеспечивалась и явка на суд. Роль судьи сводилась преимуществен-

но к обеспечению и контролю над порядком ведения процесса. По крайней мере, законодательные акты того времени содержат множество указаний на действия сторон по установлению обстоятельств происшедшего, лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, доставление его в суд и даже исполнению принятого решения, в тоже

время умалчивают о функциях судьи в процессе, ограничивая их определением размера наказания.

По своей форме процесс включал в себя три стадии:

- 1) определение круга участников процесса и сбор доказательств;
- 2) производство суда;
- 3) исполнение решения.

Определение круга участников процесса и сбор доказательств

По Русской Правде рассмотрение судебных дел — и тех, которые по природе своей являлись гражданскими, и других, относимых к процессу уголовному — производилось по единым правилам. Инициатива для возбуждения любого дела принадлежала лицу, право которого нарушено, именуемому истцом.

Представление об истце — стороне спора, предъявляющей требования в связи с каким-либо правонарушением, формируется довольно рано — уже в первых нормативных актах. Так, Пространная Правда помимо обозначения «кто», употреблявшегося для обозначения лица — инициатора разбирательства вводит новый термин: «*истьцъ*» (ст. 21)¹. Происхождение его Правда не

объясняет, однако обращаясь к тексту более позднего источника — Псковской судной грамоте — можно предположить, что понятие «истец» вытекает из существа действий стороны по восстановлению нарушенных прав, именуемых словом «искать», означавшим процедуру предъявления иска — «*А кто на ком имет чего искать*» (ст. 62 Псковской судной грамоты)².

«Не доискался» — именно так Псковская судная грамота обозначает ситуацию, когда истец не смог обосновать заявленные требования в суде и решение выносилось не в его пользу (ст. ст. 9, 19, 22, 45, 46 и др.). Вообще, слово «искать» в значении предъявлять иск надолго закрепилось в нормативных актах русского права последующих столетий, в том числе в Судебниках, Соборном Уложении.

Личность истца играла важную роль в процессе, поскольку и досудебное следствие и доказывание предмета иска осуществлялось им непосредственно. Он не только являлся инициатором

в трех редакциях: краткая, пространная и сокращенная // Российское законодательство X–XX веков в 9 т. — М., 1984. — Т. 1. — С. 47–73.

2 Здесь и далее цитаты из Псковской судной грамоты приводятся по изданию: Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков в 9 т. — М., 1984. — Т. 1. — С. 331–342.

1 Здесь и далее цитаты из Русской Правды приводятся по изданию: Русская Правда

процесса, но и активным его участником, на котором лежали обязанности по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, сбор доказательств вплоть до производства обыска и обнаружения «поличного». В отдельных случаях — когда ответчик противился явке в суд — истец мог осуществить его привод.

Что же касается стороны ответчика, то данный термин в означенный период отсутствовал. Если быть точным, какого-либо обозначения сторон спора, кроме «истец», в древнейших нормативных актах мы не находим. М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что обе стороны процесса именовались истцами, что указывало на отсутствие процессуальных преимуществ для какой-либо из сторон³. В поддержку данной точки зрения говорит ст. 65 Пространной Правды: *«аче и где налезеть удареныи ть своего истьця, кто его ударил»*.

В означенный период времени представление о государстве как участнике спора отсутствовало, однако уже в X–начале XI вв. прослеживается изменение его роли — государственные органы начинают оказывать содействие

частным лицам в пресечении преступлений, преследовании обвиняемого и привлечении его к ответственности. А ко времени создания Русской Правды данная деятельность становится самостоятельной функцией государственного аппарата и источником пополнения казны — устанавливается и система денежных штрафов, взыскиваемых в пользу князя.

Как полагал М. Ф. Владимирский-Буданов, русскому уголовно-процессуальному праву было известно понятие коллективного истца, коим выступали семья, род и община⁴. Это во многом было обусловлено существованием права кровной мести. Так, по делам об убийстве и причинении телесных повреждений как на стороне истца, так и на стороне ответчика могли выступать весь род или вся семья. Впоследствии данное положение было ограничено с принятием Русской Правды до перечня близких родственников. Со временем коллективность сохранилась на стороне ответчика, где ее выражением явилась круговая порука — ответственности общины по преступлениям, совершенным ее членами при не установлении конкретного лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

3 Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Киев, 1905. — С. 633.

4 Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. — С. 635.

В данный период какие-либо указания в нормативных актах на процессуальную правоспособность сторон отсутствуют. Наиболее вероятно, что если и существовали какие-либо ограничения, то они имели место непосредственно на практике и регулировались нормами обычного права.

Стороны участвовали в процессе непосредственно. До конца XIII–XIV столетия вопрос о представителе мог ставиться только в случае, когда лицо, подлежащее привлечению на стороне ответчика, скрывалось от суда.

Как же происходило установление процессуальных отношений сторон? Вероятно, договорным способом: стороны о предмете спора, сроке явки к суду, а иногда и о кандидатуре судьи.

Следует отметить, что со времен Русской Правды существовала обязанность судебного разбирательства споров. Так, ст. 14 Краткой Правды установила: *«Аще познает кто, не емлет его, то не рци ему: мое, нъ рци ему тако: поиди на свод, где еси взял»*. Безусловно, что необходимость таких действий могла быть обусловлена только существованием специальной процедуры разбирательства, требующей установления не только обстоятельств совершения кражи, но и обоснования

виновности лица, привлекаемого к ответственности, по результатам которой и определялась дальнейшая судьба вещи. Только при таком подходе существование ст. 14 Правды становится целесообразным, поскольку имеет своей целью установление надлежащего ответчика.

И здесь мы подошли к характеристике процесса на стадии досудебного следствия, где основная роль принадлежала процедурам свода и гонения следа, сущность которых состояла в следующем.

Свод применялся по делам о хищениях имущества, а основной задачей его являлось определение лица, подлежащего привлечению в качестве ответчика в суде.

Фактически процедура осуществлялась в три этапа: закличь, непосредственно свод и присяга. Закличь предполагал объявление потерпевшим на торгу о пропаже вещи — *«заповесть на торгу»* (ст. 34 Пространной Правды). Как отмечал А. А. Зимин, «закличь производился на торгу не только потому, что в связи с развитием городской жизни рынок становился средоточием торговых операций, но и потому, что после восстания 1068 г. в Киеве Изяслав Ярославич *«възгна торг на гору»*, то есть ставил его под кон-

троль судебно-административной власти князя»⁵.

Закличь имел следующее значение: 1) объявление о пропаже вещи считалось начальным моментом в процессе ее отыскания; 2) таким способом менялся статус вещи, она объявлялась разыскиваемой, выбывшей из законного владения собственника, а, следовательно, исключалась из оборота, а сделки с данной вещью объявлялись не законными. Закличь извещал любого приобретателя вещи об отсутствии у продавца прав на ее отчуждение, а лицо, во владение которого данная вещь попала случайно — о существовании ее собственника.

После проведения заклича устанавливался специальный срок — три дня — в течение которых утраченная вещь могла быть возвращена ее владельцу: «закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его» (ст. 32 Пространной Правды). Процессуальное назначение данного срока было следующим — по истечении его лицо, у которого обнаруживалась разыскиваемая вещь, признавалось виновным и привлекалось к ответственности, а украденная вещь возвращалась владельцу. По-видимому, с точки зрения права трех дней было достаточно для извещения всех членов

общины о происшедшем хищении. В этой связи при обнаружении или выдаче краденого имущества до истечения указанного срока дело обстоит иначе, поскольку лицо, владевшее вещью, могло не знать о ее хищении и являться добросовестным приобретателем.

По истечении указанного срока начинался свод, сущность которого состояла в отыскании надлежащего истца. Это достигалось путем определения всех лиц, последовательно участвовавших в передаче вещи с момента ее выбытия из законного владения собственника, после чего каждое такое лицо доказывало, что данная вещь приобреталась законно. Как правило, это выражалось в указании на продавца: «*Аще кто челядин пояти хоцетъ, познав свои, то к оному вести, у кого то будетъ купил, а той ся ведеть ко другому, даже доидеть до третьего...*» (ст. 16 Краткой Правды). Интерес здесь представляет фраза: «*то рци третьему: вдай ты мне свои челядин, а ты своего скота ищи при видоце*», указывающая, что существовали определенные ограничения продолжительности свода — ответчиком признавался третий продавец, который возмещал первоначальному собственнику стоимость вещи и имел право начать новый свод в целях отыскания надлежащего ответчика.

5 Зимин А. А. Правда Русская. — М., 1999. — С. 246.

В Пространной Правде данная норма претерпела изменения и изложена в следующем виде (ст. 36): *«Аже будет во одинонь городе, то ити истьцю до конца того свода; будет ли свод по землям, то ити ему до третьяго свода...»*. Очевидно, что свод теперь мог выходить за границы поселения и только в этом случае ограничивался третьим продавцом вещи. Если же свод обращался в границах одного города, ограниченный по количеству лиц, участвовавших в передаче вещи, не было.

Кроме того, Пространная Правда установила, что если лицо, у которого в ходе свода обнаруживалась краденая вещь, при помощи свидетельских показаний доказывало законность ее приобретения, но не могло указать продавца, имущество возвращалось собственнику: *«Паки ли будет что татебно купил в торгу... то выведет свободна мужа два или мытника; аже начнет не знати у кого купил, то ити по немь тем видоком на роту, а истьцю свое лице взяти»*. Таким образом, закреплено было правило, согласно которому вещь, выбывшая из законного владения собственника против его воли, могла быть истребована у добросовестного приобретателя. Последний при этом приобретал право на возмещение понесенных им убытков в случае обнаружения вора:

«познает ли на долзе у кого то купил, то свое куны возметь, и сему платити, что у него будет погубло, а князю продажю» (ст. 37).

Завершался свод следующим образом:

- 1) если последний владелец вещи не мог доказать, что приобрел ее законным путем, то он признавался виновным в краже — *«кто будет виноват, на того татба снидеть»* — и привлекался к ответственности: *«начнет платити; аще будет коневьи тать, выдати князю на поток; паки ли будет клетными тать, то 3 гривны платити ему»* (ст. 35 Пространной Правды);
- 2) истребование краденной вещи у добросовестного приобретателя;
- 3) свод мог привести к границам государства. В данном случае к ответственности за кражу также привлекался последний приобретатель вещи: *«А ис (с)воего города в чюжю землю свода нетуть, но тако же вывести ему послухи любо мытника, перед кимь же купивше, то истьцю лице взятии»* (ст. 39 Пространной Правды).

Гонение следа применялось в случаях, когда преступник скрывался с места происшествия: *«Не будет ли татя, то по следу женуть»* (гнать,

преследовать — Н. С.)», и целью своей имело обнаружение преступника, а по делам о хищениях — также и следов похищенного имущества. Например, обнаружение поличного являлось основанием для привлечения к ответственности лица, у которого поличное было выявлено.

Решение о гонении следа принималось на общинном вече, после того как потерпевший доказывал факт совершения преступления. В случае, когда следы выходили за границы общины, гонение следа осуществлялось вечем общины или поселения, лежащей на пути следа — *«а след гаати с чюжими людми а с послухи»*. Предполагалось, что там, где следы преступления теряются, и находится преступник. Таким образом, если община не отводила от себя следа либо силой противилась против розыска, признавалось, что именно здесь скрывается преступник: *«аже не будет следа ли к селу или к товару, а не отсочать от себе следа, ни едут на след или отбъться, то тем платити татбу и продажю»*. Потеря следа в пустой местности являлась основанием для прекращения розыска: *«аже погубить след на гостиньце на велице, а села не будет, или на пусте, где же не будет ни села, ни людии, то не платити ни продажи, ни татбы»* (ст. 77 Пространной Правды).

Производство суда

По своей форме судебный процесс ввиду обилия частных начал являлся обвинительным, а производство суда начиналось с обоснования потерпевшим факта совершения преступления и представления доказательств, полученных им до суда. На основании представленных сведений вече или князь устанавливали факт совершения преступления, а в случае, когда к суду привлекалось лицо, подозреваемое в его совершении, также приходили к выводу о виновности либо невиновности такого лица. В случаях, когда потерпевший доказывал факт совершения преступления, но не указывал на лицо, его совершившее, а также в случаях, когда такое лицо скрывалось от возмездия, начиналось гонение следа.

Доказывание осуществлялось потерпевшим при помощи следующих средств: показаний свидетелей, судов божьих и актов. Рассмотрим, что собой представляли данные доказательства.

Одним из наиболее важных доказательств являлись показания свидетелей. Согласно нормам Закона Судного людем, иски, не подкрепленные свидетельскими показаниями, не подлежали рассмотрению⁶.

⁶ Пахман С. О. О судебных доказательствах по древнему русскому праву в исто-

Со времен древнейшей Правды выделяли две группы свидетелей — видоки и послухи, причем в литературе до настоящего времени отсутствует единое мнение о том, в чем именно состоит различие данных групп. Согласно одной точке зрения, видоками именовались очевидцы преступления, а послухами — лица, свидетельствующие «по слуху», то есть располагавшие какой-либо информацией о преступлении, полученной от третьих лиц⁷.

Другое мнение исходит из процессуального различия данных групп, называя видоками свидетелей в традиционном понимании данного слова, а послухами — лиц, по показаниям которых судья устанавливал правомерность действий сторон. Так, Н. Дювернуа по поводу происхождения группы послухов писал следующее: «Присутствие свободных послухов не просто удостоверяет факт. Их присутствие сообщает юридическую силу таким действиям, которые без того остались бы простым фактом». Данный вывод ученый делал, исходя из норм гражданского законодательства, согласно которым «свидетель

сделки был не только очевидцем (видоком), но в то же время содействовал сторонам... Можно быть просто видоком (очевидцем). Такой видок будет всякий, кто видел. Чтобы видеть — надо иметь глаза, поэтому и раб может быть видоком, когда речь идет о событии. Чтобы ведать право, чтобы быть свидетелем у сделки, чтоб узнать правду и содействовать там, где такое содействие нужно, где идет речь о возникновении или отсутствии права — надо быть свободным мужем... Когда я призвал таких свободных людей и при них совершил сделку, или им предоставлю вопрос о праве, то я таким образом полагаюсь на их содействие или говоря языком древних актов, — шлюсь на них... послухи стали так называться потому, что на них слались стороны. Если я положился или послался на кого-либо, то этим самым я вызываю его содействовать мне, я делаю его моим пособником...»⁸.

Обращаясь к тексту Русской Правды, мы увидим, что требование выставить видока установлено следующими статьями:

Ст. 2 Краткой Правды (ст. 29 Пространной) — *«Или будет кровав или синь надъражен, то не искати ему*

рическом их развитии. — М., 1851. — С. 45–46.

7 Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. — СПб., 1868. — С. 48–49, 81.

8 Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России. — М., 1869. — С. 100–103.

видока человеку тому; аще не будет на нем знаменна никотораго же, то ли приидет видок; аще ли не может, ту тому конець»;

Ст. 10 Краткой Правды (ст. 31 Пространной) — *«Аще ли ринет мужь мужа любо от себе любо к собе, 3 гривне, а видока два выведет».*

Таким образом, показаниями видока удостоверялся факт причинения телесных повреждений, побоев.

Указания на послухов в Правде содержатся в статьях о поклепной вире, взыскании скота, займе, поклаже и резе (проценте — Н. С.) (ст. ст. 18, 47–50 Пространной Правды), для подтверждения факта, что лицо, получившее побои в драке, являлось ее зачинщиком, — *«будет сам почал, а вылезут послуси»* (ст. 29 Пространной Правды), а также в ряде статей, определяющих порядок участия послухов в своде, гонении следа и на суде (ст. ст. 21, 39, 52, 66, 77, 85 и 110 Пространной Правды).

Примечательно, что Краткая Правда содержит только одно указание: *«Аще же приидет кровав мужь любо синь, то не искати ему послуха»* (ст. 30). В этой связи можно предположить, что категория послухов появилась во второй половине XI столетия, при сыновьях Ярослава. В подтверждение данной гипотезы будет говорить сравнение статей 2 и 30 Правды.

Ст. 2 Краткой Правды: *«Или будет кровав или синь надъражен, то не искати ему видока человеку тому; аще не будет на нем знаменна никотораго же, то ли приидет видок; аще ли не может, ту тому конець».*

Ст. 30 Краткой Правды: *«Аще же приидет кровав мужь любо синь, то не искати ему послуха».*

Вопрос о существовании двух, фактически повторяющихся статей в тексте Русской Правды неоднократно освещался в литературе. М. А. Дьяконов считал, что часть ст. 30 была опущена при составлении Правды, поскольку она дублировала уже существующее правило⁹, С. В. Юшков находил ст. 30 сокращением ст. 2¹⁰, Н. А. Максимейко указывал, что это два самостоятельных правила: одно — для видоков, другое для послухов¹¹, Н. А. Рожков полагал, что ст. 30 исключала право мести за удары до синяков и крови¹², А. А. Зимин объяснял, что ст. 30 подтверждала де-

9 Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. — М., 2005. — С. 50.

10 Юшков С. В. Русская Правда. — М., 1950. — С. 291

11 Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. — Харьков, 1914. — С. 58.

12 Рожков Н. А. Исторические и социологические очерки. — Ч. 1. — М., 1906. — С. 91.

нежную компенсацию избитому, предусмотренную ст. 2, и предусматривала только то, что при наличии явных следов побоев никаких свидетелей выставлять не было нужно¹³.

Однако вероятнее всего, что термин «послух» являлся своего рода новацией в праве, суть которой состояла в том, что если раньше свидетельствовать на суде мог только очевидец происшедшего («видок»), то теперь достаточно было располагать сведениями о совершенном преступлении. Таким образом появилась новая категория свидетелей — послухи.

Выставлять послухов могла любая из сторон. Законом четко определялось их количество, причем зависело оно непосредственно от совершенного преступления. Например, дела о кражах и оскорблениях требовали двух послухов, об убийстве — семь со стороны истца.

Особые требования предъявлялись и к статусу послуха — им должен быть свободный человек — «мужь»: *«то выведеть свободна мужа»* (ст. 37 Пространной Правды). Однако из данного правила существовали исключения: к послушеству допускались дворские тиуны боярские — холопы высшего рода, ведавшие суд в боярских вотчи-

нах, а также закупы — в случае недостаточного количества послухов-мужей: *«но оже не будеть свободнаго, но по нужи сложити на боярвска тивуна, а на инех не складывати; а в мале тяже по нужи възложити на закупа»* (ст. 66 Пространной Правды).

С. О. Пахман отмечал следующие требования к послухам: по нравственным качествам — допускались «добрые люди», «правдивые, богобоязненные и говорящие ради страха Божия и правды», не замеченные в пьянстве, воровстве, обмане или присвоении чужого имущества; по отношению к участникам процесса — не могли быть «люди, состоящие с одним из тяжущихся во вражде или тяжбе», близкие родственники, супруги, холопы против своих владельцев. При этом он указывал, что причины, «по коим нельзя предполагать в свидетеле желание сказать правду, делали известные лица безусловно неспособными к свидетельским показаниям; сюда особенно относятся нравственные качества; другие же причины принимались в соображение только по просьбе тяжущегося, против которого приводился кто либо в свидетели; это — известные отношения свидетелей к тяжущимся сторонам: родственные, дружественные, неприязненные и т. п.»¹⁴.

13 Зимин А. А. Указ. соч. — С. 119–122.

14 Пахман С. О. Указ. соч. — С. 54–57.

Роль послуха в процессе состояла в необходимости буквального — «*слово противу слова*» — подтверждения показаний стороны, его выставившей, какие-либо расхождения в словах свидетеля и истца или ответчика не допускались. В отдельных случаях послухи приносили присягу и участвовали в судебных поединках.

Помимо показаний свидетелей в качестве доказательств в судебном процессе использовались так называемые «суды Божьи» — жребий, рота, ордалии и поле, причем данные доказательства могли использоваться как самостоятельно, так и в дополнение к другим, имея вспомогательное значение. Например, жребий, применявшийся в альтернативу роте, также использовался и при определении порядка принесения сторонами присяги.

О существовании «судов Божьих» Н. Гартунг писал, что они представляли собой не столько доказательства, сколько самостоятельную форму процесса, основанную «на веровании, что сам Бог оправдает невинных, а осудит виновных»¹⁵. Схожее мнение находим у С. О. Пахмана, который кроме того отмечал, что «испытания существовали у нас не долго... они могли быть в употреблении по крайней мере до

15 Гартунг Н. Указ. соч. — С. 81.

XIII века, так как об них упоминается в Мстиславской грамоте... Вероятно, испытания употреблялись на самом деле весьма редко...»¹⁶.

Рота, известная нам также под названием «крестного целования» и «присяги», представляла особую клятву, приносимую сторонами в процессе, и являлась источником, из которого развились в последующем ордалии и судебные поединки. Рота применялась в качестве самостоятельного доказательства по делам, где цена иска составляла меньше двух гривен — ст. 22 Пространной Правды, а также как вспомогательное средство — при свидетельских показаниях, судебных поединках, ордалиях.

Упоминания о данном виде доказательства имеются в древнейших памятниках русского законодательства. Так, Договор Олега с греками 911г. устанавливал: «Если случится несомненное преступление и будут представлены явные показания против преступника, а обвиняемый станет оправдывать себя клятвой, то на клятву не обращать внимания, а казнить преступника, глядя по его вине»¹⁷. Из содержания данной статьи мы можем заключить, что клятва

16 Пахман С. О. Указ. соч. — С. 69–70.

17 Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. — М., 1908. — С. 9 прим.

как способ доказывания вины широко применялась в Древней Руси. Будучи не приемлемым с точки зрения инквизиционного процесса, распространившегося к указанному периоду времени в Византии, Договор содержал ограничения клятвы, вероятно привнесенные греками.

С другой стороны, Договор 911 г. разрешал использование клятвы для доказательства лицом, виновным в причинении телесных повреждений, своей несостоятельности и невозможности уплаты установленного платежа за совершенное преступление: *«если виновный не имеет средств, то должен заплатить сколько может, должен снять с себя и то платье, в котором ходит, а сверх того должен присягнуть по своей вере, что он ни откуда не может получить помощи, и только тогда тяжба к нему обиженного прекращается»*¹⁸.

Ордалиями именовались испытания, производимые водой и огнем. Формы их были разнообразны — это и погружение обвиняемого в холодную освященную воду, где в зависимости от того, всплывал он или погружался на дно, определялась его вина, и погружение руки в кипящую воду, и испытания раскаленным металлом. Ордалии употреблялись по делам об убийствах, а

18 Там же. — С. 10 прим.

также о воровстве при отсутствии свидетелей. Причем в последнем случае разновидность испытания зависела от суммы иска: водные ордалии применялись по делам, где цена иска составляла до двух гривен, а испытание железом — от двух гривен до полугривны золота (ст. 22 Пространной Правды). Испытаниям мог подвергаться как ответчик в случаях недостаточности приведенных истцом доказательств, так и сам истец в случае их отсутствия.

Как средство доказывания поле или судебный поединок известны древнерусскому законодательству с XIII века — первое упоминание о нем встречается в 1229 году в Договоре Смоленского князя Мстислава с Ригой¹⁹ — и своим появлением оно заменило ордалии. Хотя существует мнение, что поле использовалось и ранее. Так, С. О. Пахман полагал, что «у нас поединки должны были появиться весьма рано, и именно в то время, когда первоначальный, родовой быт начал сменяться новой формой — бытом общинным. При таком переходе, наряду с прежней формой патриархальной судебной расправы, должна была возникнуть новая форма самоуправства, самосуд, и получить сильное развитие, при неопределенности и слабости общественной

19 Гартунг Н. Указ. соч. — С. 82.

власти, которая еще не была в силах обуздать произвол частных лиц. Эта новая форма должна была выразиться с одной стороны в частной мести, а с другой в судебных поединках»²⁰.

Обязательными условиями поединков являлись, во-первых, физическое равенство сторон, во-вторых, использование сторонами одинакового оружия. Поле применялось по тем же делам, что и ордалии.

Помимо указанных выше доказательствами в означенный период являлись также признание ответчиком собственной вины, а также так называемые «внешние признаки» — раны, ссадины, признаки борьбы и т. п. Интерес здесь представляет тот факт, что признание ответчика имело безусловную силу и являлось основанием для прекращения производства по делу и вынесения решения. Какие-либо дополнительные доказательства в данном случае не требовались.

Выводы

Основными началами судебного процесса периода Киевского государства являлась состязательность, обязанности по сбору доказательств лежали на сторонах судебного разбирательства, ими же

²⁰ Пахман С. О. Указ. соч. — С. 115.

обеспечивалась и явка на суд. Роль судьи сводилась преимущественно к обеспечению и контролю над порядком ведения процесса. По своей форме процесс включал в себя три стадии: 1) определение круга участников процесса и сбор доказательств; 2) производство суда; 3) исполнение решения, в соответствии с которыми построена структура статьи.

Таким образом может быть представлена характеристика основных собственно русских основ судоустройства и судопроизводства Древней Руси в их историческом развитии.

Библиография

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. — 524 с.
2. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. — СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1868. — 206 с.
3. Дювернуа Н. Источники права и суд в Древней России. — М.: Унив. тип Каткова и Ко, 1869. — 415 с.
4. Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. — СПб.: Изд. юр. книжного склада «Право», 1908. — 510 с.

5. Зимин А. А. Правда Русская. — М.: Древлехранилище, 1999. — 424 с.
6. Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. — Харьков: Тип. и лит. М. Вильберберг и сыновья, 1914. — 212 с.
7. Пахман С. О. О судебных доказательствах по древнему русскому праву в историческом их развитии. — М.: Унив. тип, 1851. — 212 с.
8. Рожков Н. А. Исторические и социологические очерки. — М.: Изд. Шамова, 1906. — 259 с.
9. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. — М.: Юрид. лит, 1984. — 432 с.
10. Самоквасов Д. Я. Курс истории русского права. — М.: Тип. Моск. ун-та, 1908. — 815 с.
11. Юшков С. В. Русская Правда: Происхождение, источники, ее значение. — М.: Госюриздат, 1950. — 380 с.

Features of the criminal process and procedures of proof in ancient Russia

Stupnikova Natalia Nikolaevna

Post-graduate student,
Department of Theory and History of State and Law,
Voronezh State University,
P.O. Box 394006, University Square 1, Voronezh, Russia;
e-mail: angelb2002@gmail.com

Abstract

This article concerns the peculiarities of the criminal process of ancient Russia. It gives an idea of parties – participants of the trial, their procedural role, including in the process of proving the circumstances relevant to the case. The research explains the features of the oldest forms of detection, identification of the person to be brought to justice, the types of witnesses and their procedural differences. We study the oldest

types of evidence, their origin and the procedure used in the process of proof. The author concludes that the basic principles of the trial period of the Kievan state was adversarial, duties were to gather evidence on the sides of the trial, they also protect and attendance at court. The role of judges was reduced mainly to the maintenance and control over the order of the process. The shape of the process included three stages: 1) the assignment of participants and the process of gathering evidence, and 2) the production of ships and 3) the execution, according to which the structure of the article is built. This work is of interest both to scholars and historians, lawyers, and for all those interested in criminal proceedings of ancient Russia, and can be used for further studies on this topic.

Keywords

Criminal procedure, the parties to the trial, the evidence.

References

1. Chistyakov, O. I. (1984), *Russian law in X-XX centuries: in 9 vols. Vol. 1. Legislation of Old Russia* [Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: V 9 t. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi], Moscow, 432 p.
2. D'yakonov, M. (1908), *Essays social and political system of Old Rus'* [Ocherki obshchestvennogo i gosudarstvennogo stroya Drevnei Rusi], St. Petersburg, 510 p.
3. Dyubernua, N. (1869), *The sources of law and justice in Old Rus'* [Istochniki prava i sud v Drevnei Rossii], Moscow, 415 p.
4. Gartung, N. (1868), *The history of criminal justice and judicial system of France, Britain, Germany and Russia* [Istoriya ugolovnogo sudoproizvodstva i sudoustroistva Frantsii, Anglii, Germanii i Rossii], St. Petersburg, 206 p.
5. Maksimeiko, N. A. (1914), *Experience of critical study of Russkaya Pravda* [Opyt kriticheskogo issledovaniya Russkoi Pravdy], Kharkov, 212 p.
6. Pakhman, S. O. (1851), *On the court evidence of the Old Russian law in its historical development* [O sudebnykh dokazatel'stvakh po drevnemu russkomu pravu v istoricheskom ikh razvitii], Moscow, 212 p.
7. Rozhkov, N. A. (1906), *Historical and sociological essays* [Istoricheskie i sotsiologicheskie ocherki], Moscow, 259 p.

8. Samokvasov, D. Ya. (1908), *The History of Russian law* [*Kurs istorii russkogo prava*], Moscow, 815 p.
9. Vladimirskii-Budanov, M. F. (1995), *Review of the history of Russian law* [*Obzor istorii russkogo prava*], Feniks, Rostov-on-Don, 524 p.
10. Yushkov, S. V. (1950), *Russkaya Pravda: The origin, source and its value* [*Russkaya Pravda: Proiskhozhdenie, istochniki, ee znachenie*], Gosyurizdat, Moscow, 380 p.
11. Zimin, A. A. (1999), *Russkaya Pravda* [*Pravda Russkaya*], Drevlekhranilishche, Moscow, 424 p.